

Хань Цзянянь долго и тщательно отряхивал снег у порога, прежде чем переобуться в тапочки. Он очень боялся занести холод в дом и простудить Вэнь Наньшу, чей иммунитет сейчас был слишком слаб.

Он поставил сумку-переноску и выпустил Бу Цзигэ, а сам, длинноногий и поджарый, послушно пристроился у радиатора в гостиной.

Вэнь Наньшу постарался взять себя в руки, но его голос всё еще звучал хрипло — словно по горлу прошлись наждаком.

— Почему ты вернулся? Я же просил тебя остаться с семьей.

— Мы быстро поужинали. Родители смотрят Весенний гала-концерт, а брат — настоящий трудоголик. Я побоялся, что ты будешь один, вот и приехал. Вэнь-гэ, скорее свари мнепельменей, я умираю от голода! Ты не представляешь, как невкусно готовит моя мама. А когда я жалуясь, она ворчит, что мне вечно не угодишь.

«Вот это и есть настоящая семья», — втайне позавидовал Наньшу.

Он достал из холодильника порциюпельменей, приготовленных впрок, и поставил воду на огонь.

— Подожди немного, сейчас сварю.

Обычно Бу Цзигэ в ветеринарной клинике вел себя как высокомерный и холодный красавец, не желавший знаться с другими котами. Но едва оказавшись на свободе, он пулей помчался к Мэй Бие, с которой не виделся всего вечер, и принялся ласково вылизывать ей макушку.

— Бу Цзигэ так и рвался к ней. Не знаю, почему эти двое так привязаны друг к другу — стоит разлучить их хоть на миг, и они начинают жалобно мяукать.

Ханя Цзяняня изрядно забавляли чувства собственных питомцев. Мэй Бие, которую он оставил здесь специально, чтобы она скрасила одиночество Наньшу, теперь блаженно щурилась, наслаждаясь заботой друга. Её миска была доверху наполнена кормом, в который Вэнь Наньшу заботливо добавил сушеную рыбку и лакомства — настоящий праздничный ужин.

Хань наблюдал за тем, как Наньшу возится у плиты. Еще на входе он заметил его подавленное состояние, но Вэнь Наньшу был из тех людей, кто прежде всего думает о других, стремясь обогреть каждое живое существо. Он был таким худым. Хань Цзяняню отчаянно хотелось, чтобы тот поправился. Собеседник казался ему слишком хрупким — беззащитным созданием, лишенным клыков и когтей.

В университете Хану признавались в любви многие: и сокурсницы, и старшекурсницы, среди которых были и первые красавицы факультета. Но парня словно заклинило: он вежливо отказывал раз за разом, пока друзья не начали подшучивать, не тянет ли его на парней.

Теперь он понял. Дело было не в предпочтениях, а в том, что ему нравился именно Вэнь Наньшу. Никто и никогда не вызывал у него таких сильных чувств, такого яростного желания защититься: от нападков бывшего мужа, от холода, от одиночества. Хань хотел дать ему всё то, что было у других — и даже больше.

Брат оказался прав: он влюбился по уши. Иначе почему от одного взгляда на Вэнь Наньшу его бросало в такой жар, что кровь закипала в жилах, а сердце начинало биться в бешеном ритме?

— Иди за стол, всё готово.

Наньшу немного успокоился. Он поставил тарелку с исходящими паром пельменями на стол и только тогда заметил, что парень, стоящий у радиатора, весь раскраснелся. Он походил на огромный, дымящийся ломтик печеного батата.

— Ты чего там застрял? Тебе не жарко?

— А? — Хань Цзянянь почувствовал, как запылали уши. — Иду, иду! Кхм... Уже иду!

Хань Цзянянь уплетал пельмени так, что никакие ресторанные деликатесы не пошли бы в сравнение. Он съел две огромные порции под изумленным взглядом Наньшу. Когда парень снова потянулся к тарелке, Вэнь Наньшу мягко остановил его.

— Если тебе так нравится, в холодильнике еще осталось. Я сварю тебе завтра. Если съешь столько за один раз, живот разболится. Ночью будет плохо.

Хань проглотил последний пельмень и с довольным видом отложил палочки.

— Вэнь-гэ, почему твои пельмени такие вкусные?! Если я привыкну к твоей стряпне, мне придется остаться у тебя навсегда. Что тогда будешь делать? Продашь меня?

Наньшу сперва решил, что Хань снова шутит, но, обернувшись, увидел, что тот обнимает подушку и смотрит на него совершенно серьезно, ожидая ответа.

Парень напоминал золотистого ретривера, жаждущего похвалы. Вэнь Наньшу невольно рассмеялся.

— Вряд ли. Главное, чтобы ты смог это переварить.

Его еще никто не хвалил так искренне. В последние дни Хань Цзянянь стал его персональным фанатом, заставляя Наньшу поверить, что его еда и впрямь стала вкуснее.

Хань Цзянянь еще какое-то время рассыпался в комплиментах, а потом, сытый и довольный, развалился на диване. Он украдкой взглянул на часы — время поджимало. Парень сел и прочистил горло.

— Вэнь-гэ, я потом сам вымою посуду! А сейчас сделай мне тот яблочный сок, как в прошлый раз.

— У тебя еще осталось место? — удивился Наньшу.

На самом деле он и вправду объелся, но всё же ответил:

— Конечно! Только добавь побольше меда!

— Хорошо.

Хану это и было нужно. Пока Наньшу возился с яблоками, парень пулей выскочил на балкон. За домом раскинулось искусственное озеро — тихое и темное в ночи. Хань достал телефон и отправил условный сигнал.

Его друзья, исполнявшие роль «группы поддержки», словно выполняли секретную миссию. Они подогнали две машины, под завязку забитые пиротехникой, к мосту на середине озера и, сверив координаты с Ханем, начали выгружать коробки.

Пришло сообщение:

[Хань-гэ, всё готово. Сегодня ты будешь самой яркой звездой в глазах своей зазнобы!]

Хань убрал телефон и крикнул:

— Вэнь-гэ, иди на балкон! Только накинь куртку потеплее!

Снег на улице прекратился, укрыв мир белым пушистым одеялом. Наньшу вышел на балкон со стаканом свежего сока.

— Что случилось?

Хань Цзянянь подвел его к перилам и заботливо проверил, достаточно ли теплая на нем одежда. Удовлетворенный результатом, он выпрямился и с напускной серьезностью указал в

сторону ночного неба.

— Смотри внимательно. Сейчас я достану для тебя звезды. Хочешь увидеть?

Наньшу подумал, что Хань снова затеял какой-то фокус, чтобы его развеселить. Но когда он перевел взгляд с неба на парня, ему показалось, что в глазах того и впрямь отражается целая вселенная.

— И где же они? — Наньшу смущенно отвернулся, но всё же решил подыграть.

Хань Цзянянь театрально, словно фокусник на сцене, щелкнул пальцами в сторону пустого неба.

Прошла секунда, вторая, третья. Небо оставалось безмолвным.

После недолгого ожидания Вэнь Наньшу увидел, как лицо Ханя вытягивается от изумления и досады. Он не выдержал и тихо рассмеялся, убирая руки с перил.

— Кажется, я их вижу, — Наньшу указал на едва заметную звездочку в вышине. — Смотри, раньше её не было. После твоего щелчка появилась. Честно.

Но стоило ему договорить, как тишину разорвал свист. Один за другим в небо вонзились огненные росчерки, и тьма мгновенно взорвалась ослепительным сиянием.

Это было невероятно — совсем как в кино. Прямо над ними распускались огромные огненные цветы, заливая всё вокруг радужным светом, словно осколки звездного неба падали на землю.

— Ты... — Наньшу застыл, лишившись дара речи.

На фоне этого пылающего хаоса Хань Цзянянь негромко произнес:

— Вэнь-гэ, ты как-то говорил мне, что в детстве завидовал детям, чьи кровати в приюте стояли у окна. Они могли видеть праздничные фейерверки... Больше тебе не нужно им завидовать. Эти огни — только для тебя одного.

Вэнь Наньшу почувствовал, как в глазах защипало. Он посмотрел на этого парня, который был младше него на шесть лет. Хань осторожно коснулся его макушки.

— Ну как? Красиво? То, что есть у других детей, теперь есть и у Вэнь-гэ.

Хань Цзянянь почувствовал тепло его волос под ладонью. Он не позволил себе лишних

движений и вскоре медленно убрал руку. Парень смотрел то на угасающие огни, то на Наньшу, и кончики его ушей в этот момент пылали ярче любого фейерверка.

<http://bllate.org/book/15853/1437532>